

УКР. ШУЛЯК ‘КАПУСТА, НЕ ВЫРОСШАЯ В КОЧАН; ПОЧАТОК КУКУРУЗЫ’ И ДР. < СЛАВ. *ŠUL-

Укр. *шуліак*, *шулік* ‘капуста, не выросшая в кочан’, *шульбок*, *шулка* ‘початок кукурузы’ (Гринченко IV, 518, 517) и под., как будто пропущенные в этимологических словарях, рассматриваются Н.И. Толстым в связи с укр. *шуліак*, *шуліка* ‘коршун’, рус. диал. *шуліак*, *шулік* то же¹. Н.И. Толстой видит здесь восточнославянизм, производный от *šijъ ‘левый’ > ‘плохой, поганый’, откуда ‘плохая птица’ и ‘плохая, непригодная капуста, кукуруза’. Между тем украинские слова связаны с лексикой, распространенной и за пределами восточнославянских языков, а ее специфика вынуждает пересмотреть предложенную этимологию.

Прежде всего обратимся к ботаническим наименованиям. Приведем имеющийся материал, отчасти пересекающийся с данными Н.И. Толстого: укр. *шуліак* ‘капуста, не выросшая в кочан’, *шуліак*, *шульбок*, *шулка* ‘початок кукурузы’ (см. выше), диал. *шуліак* ‘капуста, не переросшая в вилок, капустные листья’ (Паламарчук, 35), *шуліак* ‘кочан молодой капусты’ (Лисенко, 237), *шуліак*, ‘капуста, не завязавшаяся в кочан; пустая головка; вообще что-л. пустое’ (Вашенко, 105), *шульбок* ‘початок кукурузы с зерном’², *шулька* ‘початок кукурузы’³, *шулéк* ‘капуста, которая не свернулась в кочан’⁴, *шул’ук* ‘вылущенный (невылущенный) початок кукурузы’⁵; блр. диал. *шуліак* ‘пустой кочан капусты’ (Тураўскі слоўнік 5, 339), *шуліак* ‘капуста, плохо завившаяся в кочан’⁶, *шуліак*, *шулéк* ‘незавившийся кочан капусты’ (Слоўн. паўн.-заход. Беларусі 5, 505).

Далее, в Общекарпатском диалектологическом атласе наряду с укр. *шульбок* приводится словац. *šulek* ‘кукурузный початок, очищенный от зерен’⁷, что выводит наше слово за рамки восточнославянских языков. В словацком отмечаются также *šúl’ok*: *kukuričný šúl’ok* ‘колос с утолщением, кукурузный початок’ (SSJ IV, 471), диал. *šúle* pl. ‘(экспр.) большие початки кукурузы’, *šúlok*, *šúl’ok* ‘початок кукурузы; шишка’⁸, *šúl’*, *šúlek* ‘вылущенный початок кукурузы’ (Ripka, 216). Нет оснований отделять от этих слов и с.-хорв. *šíl*, *šíl* ‘шишкообразное водное растение; шляпка желудя’, *šílac* ‘название растения; вид капусты (*finochio marino; crambe tataria*)’, *šílak* ‘шелуха на зерне; пустой желудь, лесной орех без ядра; засохший плод; засохшая слива’ (RJA XVII, 871), семантически близкие предыдущим. Очевидна и связь с.-хорв. *šílak* ‘засохший плод’ с чеш. морав. *šolístka*, *šulístka* ‘засохший фрукт’ (Bartoš II, 430, 435), приводимыми Machekом как неясные (Machek², 630). Как кажется, наличие корневых имен типа словац. *šúl’* ‘вылущенный початок кукурузы’ говорит о вероятном отсубстантивном происхождении производных с суффиксальным *-k-*. В то же время объяснение этих наименований на почве оценочного понятия ‘плохой’ (*šijъ) малоинформативно. Здесь можно усматривать скорее

семантические акценты ‘нечто округлое’ (как с.-хорв. *šiķ*, *šiķ* ‘шишкообразное водное растение’, *šiķak* ‘пустой желудь, лесной орех без ядра’) и, с другой стороны, ‘кочерыжка, стебель’ (что реализуется в украинских говорах как ‘незавившийся кочан капусты, початок кукурузы’). Связь этих значений легко установить, если принять во внимание укр. диал. *шульок* ‘палка; макогон; невылущенный початок кукурузы; шишка’: семантика ‘палка’, очевидно, первична, а ее метафорическое осмысление дает ‘стебель (с утолщением)’ > ‘утолщение (нечто округлое)’.

Такое развитие засвидетельствовано множеством примеров, ср. хотя бы укр. *пáлка* ‘палка; шишка (на болотных растениях); стебель без колоса’ (Гринченко III, 89), рус. *пáлочник* ‘растение Турфа; рогоз или рогоза; початки’ (Даль² III, 13), *пáлка*: *пуховые пáлки* ‘растение Turfa L., семейство рогозовых; рогоз’ (Филин 25, 173), чеш. *pařka*, *palička* ‘шишка елки, стебель цветка с бутоном; головка булавки, спички, шляпка гвоздя; цветок клевера, коробочка льна, маковка’ (Bartoš II, 278), польск. *pałka* ‘палка; палочка с утолщением; голова человека; головка гвоздя; головка цветка; пестик в ручной ступе; утолщенный конец веретена’ (Варшавский словарь IV, 25) <**pałъka* – очевидно, от **paliti* ‘жечь’ (ср. Machek², 429 s.v. *palice*) как ‘палка’ = ‘то, что жгут, что обожжено’, что доказывает вторичность значения ‘утолщение’.

В таком случае рассматриваемый круг слов можно расширить за счет словац. диал. *šílok*, *šíl'ok* ‘шишка у хвойных деревьев’, *šílkí* бот. ‘дикие бобы, фасоль, Lupinus polyphyllus’, чеш. *šíl'* ‘сорт картофеля’¹⁰, диал. *šulek*, *šul'ec*, *šul'* ‘маленький круглый камень; сучок, узелок’ (Bartoš II, 434), польск. диал. *szule* ‘сорт картофеля’ (Karłowicz 5, 326).

Принимая значение ‘палка’ за исходное, естественно обратиться к семантически смежным с.-хорв. *šiķ*, *šiķ* ‘пень, колода’ (также ‘шишкообразное водное растение’ и др., см. выше), *šiķak* ‘пень’ (RJA XVII, 871). Укр. *шúла* ‘столб в заборе (...)’ (Гринченко III, 517), блр. *шúла* ‘колода, столб’ (Носович, 718), зап.-рус. *шúла*, *шúло* ‘столб, колода; толстая дубовая стойка’ (Добровольский, 1008; Расторгуев, 291) признаются заимствованиями через польское или литовское посредство (польск. *szuło* ‘деревянный столб’, лит. *šúlas* ‘столб’) др.-в.-нем. *sūl* ‘колонна’¹¹. Все же наличие сербохорватского слова позволяет реконструировать слав. **šul-*

– по мнению А.С. Мельничука, восходящее к и.-е. *^{(*k*)seul-} и в таком случае родственное, в частности, лит. *šúlas* ‘столб’, фонетически точно соответствующему греч. ξύλον ‘дерево, брус’ < и.-е. *^{(*k*)síl-}¹². Однако, поскольку соответствие славянского слова с той же апофонией корня отсутствует, а продолжения вариантов *^{(*k*)seul-} в ботанических и смежных значениях в других индоевропейских языках неизвестны, напрашивается иная интерпретация нашего материала.

Здесь можно предположить связь с гнездом слов. **sovati*, **sujo* (преобразование незасвидетельствованного ***suti*) < и.-е. **skeu-*, о котором см.

Покорну I, 954–955; Fraenkel 13, 969; Machek², 592. Фонетические варианты слов. *ši- и *su- закономерно отражают чередование корневых дифтонгов *eu/*ou (*sk̥eu -> *seu- > *šu-). К семантике ‘совать’ > ‘то, что суют, орудие’ср. из того же гнезда рус. *совáч* ‘шест (...)', *совáй* ‘сулица, рогатина (...)' (Даль² IV, 254), а также рус. *сулá* ‘клюшка, которую мальчишки, играя, бросают вскользь по льду', *сулíца* ‘метательное копье’, отражающие *sula или *sudla < **suti или *suno,ti (ср. материал в Machek², 591 s.v. *sudlice*; Фасмер III, 799, 801) < *sk̥ou -.

Именное производное с *-l*- суффиксальным (<*sk̥eul-) представлено в фонетически тождественном славянской основе лит. *šiaulýs* ‘охотник, стрелок', ср. также топоним лит. *šiauliai* – из лит. *šiáuti (также не сохранилось и слов. **šuti) при современном лит. *šauti* ‘пихать, толкать; стрелять' (<*sk̥ou-). Следы того же чередования гласных в корне (и.-е. *eu/*ou) отражены, например, и в относящихся к рассматриваемому гнезду лит. *šiáutuvas* ‘ткацкий челнок; задвижка’/šáutuvas то же, *šiaudýklē*, *šiaudyklē* ‘ткацкий челнок’/šaudyklà ‘тир’¹³.

Предположим, далее, что с именами гнезда *šul- связаны глаголы с.-хорв. *šižati* ‘кусать, щипать, давить, толочь, валять' (RJA XVII, 872), словен. *šúliti* ‘скрести, царапать', *šúliti se* ‘шнырять, шмыгать' (Pleteršnik II, 650), польск. *szulać* ‘совать, пихать' (Варшавский словарь VI, 684), укр. диал. *шулáти* то же (Словн. укр. мови XI, 560), *шул'áти*, *шул'éти* ‘колоть (о боли)'¹⁴. Отношения этих глаголов не имеют в этимологической литературе удовлетворительного объяснения: Скок объединяет с.-хорв. *šižati* со словен. *šúliti (se)*, объясняя их как звукоподражания (Skok III, 422); Безлай производит словен. *šúliti se* из экспр. *kheū -t-lo, что фонетически неправдоподобно¹⁵, в то время как Брюкнер связывает польск. *szulać* с рус. *шляться* (Brückner, 557 s.v. *szuler*): но последнее, очевидно, из *sylēti (se) < и.-е. *sel- ‘двигаться’¹⁶.

Можно думать, что здесь представлены отражения итератива *šul'ati, образованного от соответствующего каузатива – *šuliti. Отъменная природа последнего раскрывается в толковании укр. *шулáти* ‘в игре в шул бросать палку так, чтобы один конец ее подсунулся под другую, лежащую на земле палку' (Гринченко IV, 517). Тот же тип отношений, по-видимому, связывает и рус. *сулá* ‘клюшка (...)', *сулíца* ‘метательное копье' с *сулáть*, *сúлить* ‘совать, толкать, пихать, двигать' (Даль² IV, 359–360), *сулáться* ‘толкаться' (Донск. словарь 3, 148), *сулáть* ‘вкладывать, двигать, кидать' (Опыт, 220), ср. еще укр. *сулáти* ‘не попадать в ушко, вдевая нитку в иголку' (Паламарчук, 32).

Здесь уместно отметить органическое родство значений ‘пихать, давить и под.' и ‘валять' (что демонстрируется, например, у Даля: ср. толкование *валить*, *валять* ‘провергать, толкать, бить, ворочая и опрокидывая с боку на бок, мять, катать, бить, холостить' – Даль² I, 161). Последнее представлено, кроме с.-хорв. *šižati* (см.), у польск. диал. *szulać*

‘болеть, быть слабым (= ‘валяться, метаться’. – M.O.); класть, совать’ (Варшавский словарь VI, 684), чеш. диал. *šulit*, ср. также *šúlat* ‘мять, скатывать пальцами что-л. мягкое (тесто, глину)’ (Bartoš II, 435), *šúlat* ‘делать катушки из теста’ (Malina Mistř., 125), словац. *šúlat* ‘катать; валяя, придавать чему-л. цилиндрическую форму’, *šúlat sa* ‘кататься, валяться; красться’ (SSJ IV, 470), диал. *šúlat sa* ‘неуклюже ходить, слоняться’ (Ripka, 108). В связи со сказанным выше вряд ли возможно, вслед за Махеком, объяснять эти глаголы как преобразования исходной формы вроде словац. диал. *švalat* ‘делать катушки’ <*val'ati*>, где развитие *ši-* < *šva-* обусловлено влиянием *šustati* ‘тереть руками’ (Machek², 630).

Рассматриваемому гнезду принадлежат также чеш. диал. *šulan*, *šulanec*, *šulánek* ‘катышек из теста, грязи и под.’ (Malina Mistř., 125), *šúlance*, *šulánky* ‘продолговатые клецки из картофельного теста’ (Bartoš II, 434), словац. *šúlanec* ‘кусок теста, которому валянием придана цилиндрическая форма’ (SSJ IV, 470), диал. *šulkí* m.p. pl. ‘темерское кушанье, шарики’¹⁷, ср. также с.-хорв. *šučci* pl. ‘клецки или лапша из теста’ (RJA XVII, 872). По-видимому, словацкие (или чешские) заимствования отражены – с закономерным здесь переходом *š* > *s* – распространенными в оравских и подгальских говорах польск. *sulka*, pl. *sulki* ‘шарики (например, клецки, скатываемые руками и используемые для кормления гусей); мелкие экскременты (ребенка, овцы); продолговатая картофелина’, *sulać* ‘мять, скатывать’ (Karłowicz 5, 262)¹⁸.

Возвращаясь к орнитологическому наименованию укр. *шуляк* ‘коршун’, отметим напрашивающееся сопоставление с укр. *шулькати* ‘кидаться, бросаться’, *шулькнути* ‘шмыгнуть’ (Гринченко III, 518), ср. еще словац. экспр. *šul'kat* ‘мять, валять, скатывать’ (SSJ IV, 471), продолжающими производное с суффиксальным *-k-* от **šul'ati*. Тогда, как предположил еще Ильинский, значение птицы объясняется как ‘ тот, кто бросается’ (см. Фасмер IV, 485).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н.И. Из великорусской диалектной семантики // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. 259–266.

² Прокопенко В.А. Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. 475.

³ Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ, 1984, II, 391.

⁴ Корзонюк М.М. Матеріали до словника західно-волинських говірок // Українська діалектна лексика. Київ, 1987. 264.

⁵ Дзендерівський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ч. II // Ужгородський державний університет. Наукові записки. Ужгород, 1960, VLII, № 206, 207.

⁶ Матерялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / п.р. М.А. Жы́довіч. Мінск, 1974, 182. Польск. мазов. *szulak* ‘истреб; небольшой кочан капусты’ (Karłowicz 5, 326), судя по географии и семантике, заимствовано из украинского.

⁷ Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1981. 72 (вопр. № 425).

⁸ Orlovský J. Gemerský nárečový slovník. Martin, 1982, 343; Matejčík J. Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin, 1975. 102.

⁹Бернштейн С.Б., Илич-Свистыч В.М., Клепикова Г.П., Попова Т.В., Усачева В.В. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, I. 220.

¹⁰Kott Fr. Příspěvky k česko-německému slovníku, zvláště gramaticko-fraseologickému. Pr., 1906, III. 334. Можно было бы также предположить, что в данном случае мы имеем дело с отражением диалектных форм, соответствующих ср.-в.-нем. *schale*, *schal*, *schál*, ср.-н.-нем. *schale*, *schelle*, *schille* ‘шелуха, кожура, скорлупа; оболочка фрукта, овоща; стручок; картофель и под.’, связанных с *schällen*, ср.-в.-нем. *scheln* ‘лищить, крошить, щипать, дергать и др.’. Ср. и относящиеся к тому же гнезду ср.-н.-нем. *schulle*, *schülle*, ср.-в.-нем. *scholle* ‘ком, щишка, нарост, узел стебля и под.’ (Grimm VIII, 2060–2065; IX, 1955, 1453; Kluge–Mitzka²¹, 675 s.v. *Scholle*, 633 s.v. *Schale* < и.-е. *skel- ‘резать; колоть’), причем и-вокализм славянских слов мог бы объясняться и как точное отражение и-вокализма диалектных немецких слов, и как диалектная передача о-вокализма языка-источника. Однако славянские связи словац. *šúlok* и др. представляются более реальными, ср. ниже.

¹¹См. с дальнейшей литературой: Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968. 213.

¹²Там же. 204–205, 212–213.

¹³Литовский материал см.: Fraenkel 13, 969, 967; Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego: Nauka o budowie wyrazów. W-wa, 1965, II. 105.

¹⁴Прокопенко В.А. Указ. соч.

¹⁵Безлай Ф. Рец. на: Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I, A-J. Zagreb, 1971 // Этимология. 1971. М., 1973. 378.

¹⁶Трубачев О.Н. Славянские этимологии. 1–7 // Вопросы славянского языкознания, № 2. М., 1957. 36–37.

¹⁷Orłowský J. Op. cit. 343.

¹⁸Cp.: Herniczek-Morozowa W. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego. Wrocław etc., II–III. 161: здесь диалектные польские формы рассматриваются как принадлежащие гнезду *sovati, *sujq.

А.А. Калашников

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ СИНОНИМОВ

Синонимия привлекает к себе значительное внимание лингвистов, исследующих это явление с разных точек зрения. В частности, изучение синонимии важно для разработки семантической стороны этимологической процедуры, построения типологии семантики¹. При этом используется метод семантических параллелей, основанный на регистрации регулярных семантических изменений (переходов). По мнению Ж.Ж. Варбот, наибольшей доказательностью обладают параллели из одного и того же языка или близкородственных или территориально близких языков, а особенно надежны данные этимологических гнезд, основанных на исходно синонимичных лексемах, одного или нескольких близкородственных языков².

В последнее время появились исследования, в которых в качестве синонимических единиц рассматриваются целые словообразовательно-этимологические гнезда³. Такая постановка вопроса вполне оправданна. Во-первых, синонимия, в одном из вариантов, предполагает частичное пересечение значений и употреблений единиц. Во-вторых, такое понимание применимо не только к лексемам, лежащим в основе подобных гнезд, так как, благодаря определенной регулярности словообразо-